

Функционирование компаративных тропов в романе Е. Водолазкина «Чагин»

Наталья Анатольевна Николина, Московский педагогический государственный университет
(Россия, Москва), guskafedra314@gmail.com

Зоя Юрьевна Петрова, Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН (Россия, Москва),
zoypar@mail.ru

DOI: 10.31857/S013161170027463-8

аннотация: В статье рассматриваются особенности употребления метафор и сравнений в тексте романа Е. Водолазкина «Чагин», опубликованного в 2022 г. Показано, что функционирование компаративных тропов в нем тесно связано с характером повествовательной структуры произведения: метафоры и сравнения участвуют в разграничении субъектно-речевых планов рассказчиков и выполняют характерологическую функцию. Отмечается, что в тексте романа часто используются тропы, включающие прецедентные имена и цитатные вкрапления. Для текста романа характерно каламбурное столкновение прямого и переносного значений лексических единиц, при этом часто обыгрываются фразеологизмы, крылатые слова, штампы. Отличительными особенностями стиля романа «Чагин» являются буквализация метафор и их развертывание в тексте, которое может актуализировать деривационные связи лексических единиц. В статье показано, что используемые в тексте романа тропы часто опираются на изображаемую реалию. Особое внимание в работе уделяется роли компаративных тропов в выделении и развертывании ключевых тем произведения: темы памяти и темы вымысла (фантазии). Делается вывод, что эти темы акценти-

руются в тексте при помощи тропов, предметом сравнения в которых служат наименования ментальных сущностей (*память, забвение, воспоминание, запоминание, фантазия*).

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: роман Е. Водолазкина «Чагин», компаративный троп, метафора, сравнение, структура повествования, ирония, каламбур

для цитирования: Николина Н. А., Петрова З. Ю. Функционирование компаративных тропов в романе Е. Водолазкина «Чагин» // Русская речь. 2023. № 4. С. 102–112. DOI: 10.31857/S013161170027463-8.

благодарности: Работа выполнена при поддержке гранта РФФ № 23-28-00060 «Динамика компаративных конструкций и типы их взаимодействия в современной русской прозе».

The Language of Fiction

Functioning of Comparative Tropes in E. Vodolazkin's Novel "Chagin"

Natalia A. Nikolina, Moscow Pedagogical State University (Russia, Moscow),
ruskafedra314@gmail.com

Zoya Yu. Petrova, V.V. Vinogradov Russian Language Institute of the Russian Academy of Sciences
(Russia, Moscow), zoyap@mail.ru

ABSTRACT: The article discusses the use of metaphors and similes in the text of E. Vodolazkin's latest novel "Chagin". The study has shown that the functioning of comparative tropes in the novel is closely related to the nature of its narrative: metaphors and similes are involved in the differentiation of the subject-speech plans of the narrators and perform a characterological function. The study shows that the tropes including precedent names and quotation inclusions are often used in the novel. The text of the novel is characterized by a punning clash of direct and figurative meanings of lexical units with wordplay involving a number of phraseological units, catchphrases, and clichés. The distinctive features of the style of the novel "Chagin" are the literalization of the metaphors in the text, which can be both contact and distant in nature and actualize the derivational

connections of lexical units. The article shows that the tropes used in the text of the novel are often based on the depicted reality. What is more, particular attention is paid to the role of comparative tropes in identifying and deploying the key themes of the work: the theme of memory and the theme of fiction (fantasy). It is concluded that these topics are accentuated in the text with the help of tropes, the subject of comparison in which are the names of mental entities (*memory, oblivion, recollection, memorization and fantasy*).

KEYWORDS: E. Vodolazkin's novel "Chagin", comparative trope, metaphor, simile, narrative structure, irony, pun

FOR CITATION: Nikolina N. A., Petrova Z. Yu. Functioning of Comparative Tropes in E. Vodolazkin's Novel "Chagin". Russian Speech = Russkaya Rech'. 2023. No. 4. Pp. 102–112. DOI: 10.31857/S013161170027463-8.

ACKNOWLEDGEMENTS: The work was supported by the Russian Science Foundation grant No. 23-28-00060 "Dynamics of comparative constructions and types of their interaction in modern Russian prose".

Компаративные тропы в романе Е. Водолазкина «Чагин», увидевшем свет в 2022 г., характеризуются ярким своеобразием, несмотря на то что по сравнению с предшествующими романами писателя в тексте произведения значительно меньше индивидуально-авторских метафор и сравнений. Компаративные тропы в романе «Чагин» не образуют целостной метафорической картины мира, в отличие, например, от романа «Авиатор» [Николина, Петрова 2019]. Метафоры и сравнения в тексте рассматриваемого романа отражают особенности структуры его повествования: в произведении выделяются четыре композиционные части, каждая из которых имеет своего рассказчика, что определяет «стереоскопическую оптику» романа (Е. Водолазкин): это архивист, молодой коллега Исидора Чагина — Мещерский, один из кураторов Чагина — Николай Иванович, друг Чагина — артист Григ; четвертая же часть романа представляет собой переписку двух персонажей — Мещерского и Ники.

Для речи каждого из рассказчиков характерны определенные типы тропов. В речи Мещерского регулярно встречаются метафоры и сравнения, включающие названия артефактов как образы сравнения: *Характерная странность: буквы слегка наклонены влево. Напоминают построенные вертикально в ряд костяшки домино в минуту их цепного падения; Он* [Чагин],

вообще говоря, казался ходячей **скрепкой**, в том числе технических средств: *Вообще Исидор довольно многословен. Словно **камера видеонаблюдения**, он фиксирует все, что происходит на его глазах; о двусмысленности этого знакомства Исидор не упоминает. **Тревожный маячок**, который здесь не мог не сработать, он попросту отключает.*

В речи Николая Ивановича, создающей комический эффект, последовательно используются цитатные метафоры и сравнения: *Зафиксировав опоздание двух молодых сотрудниц, он назвал их «**цветами запоздалыми**»; Мне ли бояться клизмы? Мне ли, пережившему взлеты и падения, прошедшему по жизни **очарованным странником**?* При этом цитатные тропы в его речи, как правило, носят немотивированный характер и выглядят нелепо, в чем проявляется авторская ирония. Комический эффект в его речи создает и языковая игра, основанная на обыгрывании терминов, фразеологизмов, крылатых фраз и штампов: *О времена, о нравы! Сколько же у них [в английском языке] все-таки **неправильных глаголов**, циркулирующих в языке **без всякой надежды на исправление**... Можно ли, спросите вы, **расчислить авгиевы конюшни** в одночасье? <...> Ошибки накапливались веками, и **точка невозврата** представляется мне пройденной. Жребий брошен: они **перешли Рубикон. Карфаген может быть разрушен**. <...> сотрудникам библиотеки удалось внести какие-никакие коррективы. Так, те **неправильные глаголы**, которые им казались небезнадежными, они тайком спрягали как правильные.*

В ряде случаев в рассказе Николая Ивановича формируются значительные по объему фрагменты текста, основанные на столкновении переносного фразеологически связанного значения слова с прямым. Таков, например, контекст, в котором обыгрывается фразеологизм *пальма первенства* и прямое значение слова *пальма*. В этот фрагмент текста включается и стилевая игра, и метаязыковой комментарий рассказчика, ср.: *Прочитав впоследствии произведение В. Г. Короленко «Дети подземелья», не удержался, грешник, от сопоставления. По части соответствия действительности **пальма первенства** достается, без сомнения, моей «Эвакуации...» (движение там также осуществляется по подземным коммуникациям). По силе же описания подземелья **указанная пальма** переходит к автору Короленко. <...> Стоит ли объяснять, что слово **пальма** используется мною в переносном смысле — в отличие от древности, когда, опередив соперников и соратников, можно было беспрепятственно получить такое растение. Меня, признаюсь, всегда интересовало: как их носили, эти пальмы первенства? В горшках? Если маленькая, то понятно, а если большая?*

Речь третьего рассказчика — Грига — характеризуется использованием театральных метафор и сравнений: *Сказать бы: **открывается занавес**, но занавеса в привычном смысле нет. Потому что нет зрителя. Точнее,*

*Зритель есть, но Он смотрит сверху; существует некая небесная **костюмерная**, куда душа приходит — и выбирает себе то, что ей к лицу <...>.*

Наконец, в переписке Мещерского и Ники, в отличие от речи других персонажей, встречаются тропы, связанные с современными реалиями: *Все мои **мейлы** тебе были похожи на **сигналы в космос**: отправлялись без всякого расчета на ответ.*

Метафоры, характеризующие главного героя романа — Исидора Чагина, с разных точек зрения, образуют в тексте номинационный ряд, отражающий сложность личности этого персонажа: *скрепка, герой-любовник, дирижер (Мещерский), Пьеро, Одиссей (Григ).*

Таким образом, «многоголосие» романа проявляется в характере используемых в нем компаративных тропов. В то же время субъектно-речевые планы рассказчиков частично имеют и пересечения. В них, в частности, широко используются компаративные конструкции, включающие прецедентные имена (имена литературных героев, известных исторических личностей и др.), например в речи Мещерского: ***Акела промахнулся**. Да, Чагин действительно допустил ошибку, в рассказе Грига: **Николай Иванович стоял, как впередсмотрящий**. Как **Колумб**, увидевший землю, ошибочно принятую им за Индию; **Николаи** лишь выступили в роли сирен, а **Одиссей** [о Чагине], как на грех, оказался не привязан к мачте», в письме Мещерского Нике: *Авдей не откликается. Как в замедленной съемке, передвигает негнущиеся ноги, впечатывает их в пол.**

— **Командор**, — шепчет Пудов.

Другой особенностью текста романа является каламбурное сталкивание прямого и переносного значения слов, которое создает ироническую экспрессию разных типов. Под каламбуром понимается «шутка, основанная на смысловом объединении в одном контексте либо разных значений одного слова, либо разных слов (словосочетаний), тождественных или сходных по звучанию» [Санников 1995: 56]. Ирония при этом может выражаться словом, предложением, фрагментом текста (ср. [Ермакова 2017]). Так, в речи Мещерского в начале романа обыгрываются два значения слова *долг*: *Когда я объявил, что собираюсь написать о моей работе, кто-то сказал, что это мой **долг**. <...> Я не люблю слова **долг**. Оно представляется мне в виде скорбного отсчитывания купюр.*

В тексте романа представлены разные типы языковой игры, основанной на каламбуре. Это, во-первых, объединение в одном контексте образного значения фразеологизма и прямого значения исходного словосочетания: *Он [Николай Петрович] называл меня своей **правой рукой**, в чем сейчас, спустя годы, я склонен видеть скрытую иронию: **Николай Петрович рожден был левшой**. Прямое значение в этом случае может и предшествовать образному: *Маргарита отпила чая.**

— *Насыщенная у тебя жизнь. По крыше ходят. — Ее рука прохладно коснулась моего лба. — А она у тебя случайно не поехала, крыша-то?*

Каламбурная игра с фразеологизмами сопровождается буквализацией устойчивого сочетания, например: <...> *Николай Петрович был в отношении всякой перины чистый самурай: спорет ее свирепо, а мы, как последние статисты, тут же стоим — **рыло**, простите на слове, **в пуху**.*

В тексте романа повторяются контексты, в которых эффект каламбура создается актуализацией прямого значения слова за счет соотнесения его с реальной ситуацией, с которым оно связано причинно-следственной связью, например: *Стояла ранняя весна, и в открытую форточку вливался сырой питерский воздух. Он не был еще теплым, но уже ощущалось в нем что-то неземное, **пьянящее**. Возможно, этот воздух **опьянил** и Исидора — настолько, что он даже **произнес тост**; — Невольно отмечаю, что за последние годы вы, Николай, фактически **лишились шеи**. Простите, но это так симптоматично: вы лишены возможности **осмотреться**. Слишком узок ваш **кругозор**.*

Кроме иронического каламбура в тексте романа часто используется развертывание метафоры или сравнения¹: *Кто знает: может быть, непредсказуемые **волны**, управляющие ее [Ники] жизнью, вновь **прибьют ее ко мне**; По мере развития моей мысли **контуры** операции, **прочерченные пунктиром**, проступали ясней и ясней. **Пробелы пунктира** заполнялись новыми деталями, так что он постепенно преобразовался в **сплошную линию**. Развертывание тропа может носить не только контактный, но и дистантный характер, ср.: *Коридор показался Исидору бесконечным. Он петлял, ветвился и напоминал **щупальца гигантского осьминога**. Несколько раз Чагину пришлось возвращаться, потому что отростки щупалец раз за разом приводили его то в туалет, то в комнату пожарного инвентаря, то просто в тупик. <...> в голове пронеслась мысль, что эти **щупальца его все-таки схватили** (последняя метафора используется на большом расстоянии от первоначального сравнения).**

Развертывание метафоры может актуализировать деривационные связи лексических единиц, например: *На всех участников сделки она легла пятном, которое я определил бы как **несмываемое**. <...> По зрелом же размышлении задался вопросом: не преувеличиваю ли я **несмываемость** сего пятна? <...> Коли так, то должно же быть средство это пятно **смыть**.*

Отглагольный дериват метафоры *посещает мысль* в повествовании Николая Ивановича — *посещение мысли* — создает комический эффект: *На основании изложенного Чагиным **посещает** меня шальная мысль: а что,*

¹ О развертывании метафоры в художественном тексте см. в работах [Жирмунский 1977, Новикова 1983, Бедусенко 2013, Богданова 2016, Ключерова 2017 и др.]

если перезахоронить Д. Дефо на Смоленском кладбище? Предвижу, что кому-то такая процедура покажется несвоевременной. Так я ведь и не настаиваю, но на **посещение** мысли, согласитесь, имею право.

Интересным случаем текстового развертывания метафоры в романе является развитие образа кокона, характеризующего главного героя. Этот образ упоминается сначала в сравнении в рассуждениях Грига: *На самом деле Исидор не метался и не искал. Как раз наоборот: он мечтал о месте, похожем на **кокон**, куда мог бы спрятаться и вести уединенную жизнь.* Затем, уже ближе к финалу романа, этот образ появляется в стихах самого Чагина, но с новым содержанием, отражающим духовную трансформацию:

*ведь есть невысокая правда —
О ком-то, допустим, ползучем, убогом, забившемся в **кокон**.
Но правда высокая в том, что уже **через день он летает**.*

Развертывание метафоры в тексте может быть также связано с актуализацией противопоставления, например: *Николай Петрович говорил негромким **бархатным** голосом, голос же Николай Ивановича был значительно сильнее и как бы brutальнее. Материал для его описания Чагин подыскивает с трудом. О бархате, по его мнению, здесь не могло быть и речи. В конце концов он останавливается на **звук распиливаемой фанеры** <...>*, ср. диалог Чагина и Спицына: — *Как хорошо, что Вы не **пали духом**. — Напротив, духом я **вознесся**. — Спицын сел в кресло против Исидора. — Можно сказать, **летаю**.* В таких контекстах развертывание метафоры сопровождается оживлением ее прямого значения, также создающим каламбурный эффект.

Помимо отношения контраста, подобное развертывание метафоры может происходить и на основе других семантических отношений, например, отношения «причина — следствие»: *Коротко он проинформировал меня, что в дело вмешался человеческий фактор в виде Мельниковой В. А., бросившей мнемониста Чагина. Последний же, будучи **брошен**, пребывал, по словам Николая Петровича, в **разобранном состоянии**.*

Характерная черта главного героя романа — Чагина — стремление к буквализации образов: *Выяснилось, что в основе восприятия у Исидора лежит именно образ, причем не художественный, просто образ. <...> Особую сложность для Чагина представляли стертые метафоры. Выражение **закрывать вопрос** в его сознании материализовалось в виде знака вопроса, укладываемого, как в гроб, в полированный черный ящик. Эта особенность героя находит отражение в своеобразии реализации метафор в тексте произведения: *Каждое ее слово **резало** Исидора прямо **по сердцу**. <...> В этот момент он видел свое **изрезанное сердце, из которого, как из сжатой пальцами губки, сочилась кровь**.**

Используемые в тексте романа тропы часто опираются на изображаемую реалию². Интересен в этом плане контекст, в котором происходит движение от описываемого предмета — зонта, отсылающего к рассказу А. П. Чехова «Человек в футляре», к метафоре: *Однажды я <...> сказал Исидору, что для полноты образа ему не хватает черного зонта, и он молча кивнул. Я подумал было, что он обиделся, но через несколько дней Чагин пришел именно с таким зонтом — и больше с ним не расставался. <...> Исидор не только демонстрировал качества художника (они у него были), но и создавал вокруг себя оболочку — если угодно, зонтик, — которая защищала его от внешних воздействий.* Указание на описываемую бытовую реалию служит источником сравнения и в другом контексте произведения: *На стеллажах стояли книги и коробки, преимущественно из-под обуви фабрики «Скорход». Сама комната тоже напоминала коробку — такая же маленькая и невыразительная.*

Связь описываемой реалии и сравнения может носить в тексте диссидентный характер. Так, сравнение лица Николая Петровича с африканской маской: *Всю дорогу Николай Петрович молчал, и его лицо было похоже на африканскую маску* — соотносится с далеко отстоящей от этого контекста предшествующей сценой, где упоминается занятие Николая Петровича вырезанием масок и его подарок Чагину: *Знаком масок Исидор себя не считал, но даже без пояснений было очевидно, что вырезанные им маски — африканские. Всемирная отзывчивость Николая Петровича. Маски не смеялись и не плакали, они выражали какие-то другие чувства. В основном — гнев. <...> Уже в дверях Николай Петрович подарил ему маску — как показалось Исидору, самую страшную.*

Опора на реалию может отражаться и в метафоре, актуализирующей в контексте и словообразовательные, и семантические связи: *На овощебазе [о фотографии Чагина]. Что-то в лице Исидора здесь неуловимо овощное, даже стручкообразное.*

Несмотря на отсутствие в романе «Чагин» целостной метафорической системы, компаративные тропы используются в тексте для выделения ключевых тем произведения — темы памяти и темы вымысла/реальности. Значимость темы вымысла в романе подчеркивает сам автор произведения: «<...> двойники Чагина — это его, так сказать, братья по вымыслу. Чагин создает во многом вымышленную биографию, то же делает и Шлиман. Шлиман — выдумщик ради выдумки, романтик, в то время как выдумщик Дефо — циник. Чагин находится где-то между ними. Да, роман действительно во многом о вымысле. Или, если брать шире, — о мифе. <...> Мифу свойствен максимализм. Но миф — не ложь

² О соотношении реалии и тропа см. [Кожевникова 2009].

в привычном смысле, а скорее, наше активное отношение к факту» [Водолазкин — электронный ресурс].

Выделение ключевых тем романа связано с использованием компаративных тропов, в которых предметами сравнения выступают наименования ментальных сущностей (*память, забвение, воспоминание, запоминая, фантазия*). Память характеризуется в стихах Чагина как «*багажной квитанции род*», она олицетворяется в тексте посредством метафорических предикатов: *Исидор учился осмысливать все, что запомнил. А с тем, что осмыслено, можно и попрощаться — так, видимо, считала память. Такие вещи она отдавала легко, оставляя себе лишь вывод, общую идею*. Для образной характеристики воспоминаний и забвения используется яркое индивидуально-авторское сравнение: *Обрывки воспоминаний — как куски мяса в бульоне. Бульон — забвение*. Движение воспоминаний в сознании Чагина неоднократно сравнивается в романе с движением поезда: «Именно в этом месте в сознании Чагина срабатывала некая **стрелка, переводившая** воспроизведение **с одной колеи на другую**; **Сходные обстоятельства переводят** воспоминания Исидора **на параллельный путь**; Мы <...> **переводили стрелку** его воспоминаний **на новые рельсы**. Наиболее дорогие для Чагина воспоминания хранятся **в самом почетном углу сознания**.

Механизм запоминания описывается при помощи метафоры концентрических кругов: Он [Шлиман] *никогда не заучивал отдельных слов — запоминал их в составе высказываний. Потом эти высказывания расширял, ходя вокруг первоначального зерна концентрическими кругами. Наматывал на него новые смыслы и слова*. Фантазия характеризуется при помощи метафоры Шлимана — «двойника» Чагина: *В конце концов, она [фантазия] — не более чем **увеличительное стекло**, которое мы используем, чтобы лучше рассмотреть предмет*. Эта метафора поддерживается в тексте сентенцией Николая Ивановича: *Фантазия — это тоже реальность. Реальность человеческого духа, а значит — и полноправная часть опыта*.

Обращение к вымыслу предполагает свободный выбор человека. События в тексте романа неслучайно сравниваются с кубиками: *Если отвлечься от мимотекущего времени и сосредоточиться на вечности, то события — всегда. Они существуют вне времени. Лежат, словно на складе, — серые или, скорее, лишенные цвета, в ожидании своего часа. Когда же приходит некий человек и делает свой выбор, они наливаются жизнью и цветом. <...> Это как кубики. <...> Человек выбирает их свободно и строит, что хочет, но Господу все они известны*.

Итак, компаративные тропы в романе Е. Водолазкина «Чагин» играют важную роль в структуре повествования, участвуя в разграничении субъектно-речевых планов персонажей, способствуют выражению иронической экспрессии и выделяют ключевые темы произведения.

Литература

- Бедусенко Г. А. Семантико-синтаксические особенности развернутой метафоры и ее основные типы // Известия вузов. 2013. № 2. С. 238–240.
- Богданова Е. С. Метафора в художественном тексте: функции, восприятие, интерпретация // Вестник Рязанского гос. ун-та им. С. А. Есенина. 2016. № 3 (52). С. 134–145.
- Водолазкин Е. «Миф – не ложь, а скорее, наше активное отношение к факту» [Электронный ресурс]. URL: <https://www.fontanka.ru/2022/11/02/71786480/> (дата обращения: 07.04.2023).
- Ермакова О. П. Ирония и ее роль в жизни языка. М.: Флинта, 2017. 190 с.
- Жирмунский В. М. Поэтика Александра Блока // Жирмунский В. М. Теория литературы. Поэтика. Стилистика. Л.: Наука, 1977. С. 205–237.
- Ключерова А. О. Развернутые метафоры А. С. Грина: структура и семантика // Проблемы и тенденции социокультурного пространства России: история и современность: Материалы IV Международной научно-практической конференции. Брянск, 2017. С. 187–192.
- Кожевникова Н. А. О соотношении тропа и реалии в художественном тексте // Кожевникова Н. А. Избранные работы по языку художественной литературы. М.: Знак, 2009. С. 473–498.
- Николина Н. А., Петрова З. Ю. Система компаративных тропов в романе Е. Водолазкина «Авиатор» // Slavica XLVIII. Debrecen: Debrecen Univ. Press, 2019, pp. 101–112.
- Новикова М. Л. Структура и семантика метафоры как конструктивного компонента художественного текста. Дис. ... канд. филол. наук. М., 1983. 206 с.
- Санников В. З. Каламбур как семантический феномен // Вопросы языкознания. 1995. № 3. С. 56–69.
-

References

- Bedusenko G. A. [Semantic-syntactic features of extended metaphor and its main types]. *Izvestiya vuzov*, 2013, no. 2, pp. 238–240. (In Russ.)
- Bogdanova E. S. [Metaphor in a literary text: functions, perception, interpretation]. *Vestnik Ryzanskogo gos. un-ta im. S. A. Esenina*, 2016, no. 3 (52), pp. 134–145. (In Russ.)
- Ermakova O. P. *Ironiya i ee rol' v zhizni yazyka* [Irony and its role in the life of the language]. Moscow, Flinta Publ., 2017. 190 p.
- Klyuchero A. O. [Extended metaphors of A. S. Grin: structure and semantics]. *Problemy i tendentsii razvitiya sotsiokul'turnogo prostranstva Rossii: istoriya i sovremennost': Materialy IV Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii* [Problems and trends in the development of the socio-cultural space of Russia: history and modernity: Materials of the IV International scientific and practical conference]. Bryansk, 2017, pp. 187–192. (In Russ.)

- Kozhevnikova N. A. [On the relationship between the trope and reality in a literary text].
Kozhevnikova N. A. *Izbrannye raboty po yazyku khudozhestvennoi literatury* [Selected works on the language of literature]. Moscow, Znak Publ., 2009, pp. 473–498. (In Russ.)
- Nikolina N. A., Petrova Z. Yu. [The system of comparative tropes in E. Vodolazkin's novel "Aviator"]. *Slavica* XLVIII. Debrecen, Debrecen Univ. Press, 2019, pp. 101–112. (In Russ.)
- Novikova M. L. *Struktura i semantika metafory kak konstruktivnogo komponenta khudozhestvennogo teksta. Diss. kand. filol. nauk* [The structure and semantics of metaphor as a constructive component of a literary text. Cand. philol. sci. diss.]. Moscow, 1983. 206 p.
- Sannikov V. Z. [Pun as a semantic phenomenon]. *Voprosy yazykoznaniiya*, 1995, no. 3, pp. 56–69. (In Russ.)
- Vodolazkin E. ["A myth is not a lie, but rather our active attitude towards the fact"]. Available at: <https://www.fontanka.ru/2022/11/02/71786480/> (accessed 07.04.2023).
- Zhirmunsky V. M. [Poetics of Alexander Blok] // Zhirmunsky V. M. *Teoriya literatury. Poetika. Stilistika* [Theory of literature. Poetics. Stylistics]. Leningrad, Nauka Publ., 1977, pp. 205–237. (In Russ.)